

ров... за 22 июня всего было сбито 76 самолетов противника».

25 июня - новая волна запретов. Запретить всякое фотографирование на улицах, въезд в Москву только по пропускам, заклеивать стекла окон бумажными полосками. С 27-го ввести комендантский час. И в тот же день мобилизация всех старшекласников на строительство оборонных рубежей. Мальчики в Смоленскую, девочки в Орловскую области. Уже в 6 вечера первый эшелон нашего, Кировского, района соберется на улице Бахрушина, у Дома пионеров. Дальше - Киевский вокзал. Перепуганные лица родителей с бесчисленными кулечками домашней еды. Нелепость: взрослые остаются, а ребята едут на земляные работы. В пути станет ясно: неизвестно, на какую станцию ехать, кто и где может встретить, разместить, накормить...

Взрослые оказались следующими. 2 июля на заседании совета Московского военного округа, которым руководил сам Берия, принято решение «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения». Разнарядка - 200 тысяч по Москве, 70 тысяч по области.

3 июля в 2 часа ночи - время теперь не имело значения - в Кремль вызываются все секретари горкома и райкомов. Ожидается в скором времени выступление Сталина, к нему предлагалось подготовить москвичей. Оно действительно началось в 6 утра.

Ополчение формировалось на глазах, во дворе шефа нашей 528-й школы - кондитерской фабрики «Рот Фронт». Старшеклассники помогали вести записи, обещали помогать остающимся семьям. Со всех сторон как заклинание: «Это же ненадолго! До осени управимся. Не воевать же зимой!»

16 июля - введение продовольственных карточек. Относительно нормальное существование - для рабочих и инженерно-технических работников (на каждый день 800 граммов хлеба, на месяц 2 кг крупы, полтора сахара, 2200 г мяса, килограмм рыбы, 800 г жиров), чуть ниже жизненной нормы - для служащих. На выживание (или тихое вымирание?) - для так называемых иждивенцев, пенсионеров. Вот

только если бы эти нормы выдерживались! В первый год войны такого не случалось никогда. В Московской области даже теоретически рабочие могли рассчитывать лишь на килограмм мяса и 400 г жиров, иждивенцы же не получали ни того ни другого.

Месяц после начала войны. В 10 часов вечера - первая боевая тревога. Мечущиеся по небу лучи прожекторов, утробный гул самолетов. Сбрасывали груз, вспыхивало очередное зарево... И так до 4 утра, теперь уже изо дня в день.

В первую же бомбежку сгорело много деревянных барачков вдоль начала Ленинградского шоссе. Сильно пострадала Боткинская больница. Погорельцы из домов на Поварской и в Хлебном переулке приютились в 91-й и 100-й школах по соседству. Спикам пострадавших не было конца.

Но город стоял, и главным стало не только как можно скорее разбирать пепелища, но и, если можно, восстановить. Появились строительные леса, наскоро сооруженные на развалинах, бригады каменщиков с мастерками в руках... Они строили у всех на глазах, спокойно и споро, как будто впереди не было ни ночи, ни новых фугасок. На них останавливались посмотреть. И когда два с лишним миллиона москвичей отказались от эвакуации - не их ли это была заслуга?

В Москве никто не знает зданий, отстраивавшихся под бомбежками. А они продолжают стоять до сих пор в самом центре столицы. Первая жертва бомбежки - дом № 8 по Никитскому бульвару. Его построил М.Ф. Казаков в 1783 году как дворец С.Ф. Голицына, позже некий купец надстроил четвертый этаж. В доме жили профессор Московского университета, знаменитая русская колоратура А.В. Нежданова, позже размещались книгоиздательство Сабашникова и редакция журнала «ЛЕФ» во главе с В. Маяковским. Фугаска пробилась здание до второго этажа. Погибли несколько жильцов, в том числе школьников, дежуривших на крыше. К ноябрю 41-го дом не просто восстановили - его умудрились надстроить двумя этажами с небольшими квартирами для работников московских оборонных заводов.

Четырехэтажный дом № 6 по Мухомовой, некогда построенный мануфактур-советником Красильщиковым.

Бомба попала в центральную часть и дошла до подвала. Среднюю секцию восстанавливать не стали, зато сохранили пригодными для жилья оба образованных крыла. Они так и стоят напротив входа в метро «Библиотека им. В.И. Ленина».

За последние дни октября пострадали Верхние торговые ряды на Красной площади, Манеж, Большой театр... И еще новое здание Московского университета на Моховой - нынешний факультет журналистики. Немецкие летчики рвались к Кремлю.

Зима на этот раз не ждала положенного времени. С начала октября жестокие заморозки, дождь со снегом. Вал раненых в сортировочных госпиталях нарастал. 13 октября сдача Калуга, Вязьма. 15-го Москву перестают убирать. Гололед сковывает тротуары.

16 октября - едва ли не самый страшный день войны. В Москве - бегство, со стариками и детьми по шоссе Энтузиастов. Первый и единственный раз в истории города не работает метро. Не ходит городской транспорт. В магазинах продается в любом количестве мука и сахар - по рыночным ценам. На рабочие карточки выдается по пуде муки. Не вышли газеты. Молчат репродукторы. Невольная мысль: на каком языке они заговорают? Известно, что Вышинский и Деканозов всю ночь просидели в кабинете начальника Киевского вокзала, требуя для себя особый поезд.

Никто не обменивается новостями, но все знают: сегодня из Москвы бежало правительство. Сказать об этом вслух было смерти подобно. И только в начале следующего века в печати появится этот документ: «15 октября 1941 г.

Ввиду неблагоприятного положения в районе Можайской оборонительной линии Государственный Комитет Оборона постановляет:

1. Поручить т. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев (НКПС - т. Каганович обеспечивала своевременную подачу составов для миссий, а НКВД - т. Берия организует их охрану).

2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, а также правительство во главе с заместителем

председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке).

3. Немедля эвакуироваться органам Наркомата обороны и Наркомвоенмора в г. Куйбышев, а основной группе Генштаба - в Арзамас.

4. В случае появления войск противника у ворот Москвы поручить НКВД - т. Берия и т. Щербакову - произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию).

Председатель Государственного Комитета Оборона И. Сталин».

О четвертом пункте никто из простых москвичей не догадывался. Зато молчавшее до полудня радио неожиданно передало подписанное председателем Исполкома Моссовета В. Прониным постановление о... восстановлении нормальной работы во всем городе! В тот же день, 16 октября!

«Московский совет предлагает:

1. Всем торговым предприятиям, ресторанам и столовым нормально, по установленному порядку, обслуживать население Москвы.

2. Троллейбусу и трамваю бесперебойно производить работу с 5 часов утра до 10 часов вечера.

3. Коммунальным предприятиям и лечебным учреждениям начинать и кончать работу в установленные Московским советом часы...»

И т. д.

В один день - два прямо противоположных приказа. Может, какие-то изменения на фронтах? Нет. 17 октября сдан Калинин (Тверь), но Щербаков, тот самый, которому поручалось взорвать объекты Москвы, выступает по радио с обращением, в котором призывает москвичей оставаться на местах. А Пронин отдает приказ немедленно открыть в Москве 200 магазинов и палаток по продаже хлеба, запустить 22 пекарни.

Задлые театралы, а они в городе по-прежнему есть, обсуждают события в Большом театре, откуда буквально сбежал дирижер Самосуд. Труппа избрала на его место другого - Николая Семеновича Голованова...

Нина МОЛЕВА,
профессор

ОРУЖИЕ СЛАВЫ

Батальонные минометы были одной из самых распространенных боевых систем Великой Отечественной войны. Однако мало кто знает, с каким трудом в 30-е годы конструкторы этого оружия, изобретенного в начале XX века русскими военными, пробивали ему дорогу в войска.

ВЕК МИНЫ МЕТАТЬ!

Осенью 1904 года на подступах к Порт-Артуру неизвестной артиллерийской системой за полчаса были уничтожены подземные ходы и траншеи, с помощью которых японцы вплотную приблизились к русским укреплениям. Стрельба велась из неизвестных японцам «ляющих» пушек, а на осколке одного снаряда они обнаружили фрагмент хвостового оперения. Так мир узнал о новом оружии - миномете, который в осажденной крепости создал из легкой 47-мм морской пушки капитан (по другим данным - полковник) Леонид Гобято.

В Гражданскую минометы практически не использовались. А вот в двадцатых, когда Комиссия особых артиллерийских опытов (КОСАТОП) начала испытывать образцы газодинамических систем, к разработке минометного вооружения подключилась конструкторско-испытательная группа «Д» газодинамической лаборатории Артиллерийского НИИ под руководством инженера Н. Доровлева. Эта группа доказала: благодаря простоте конструкции, легкости и более крутой траектории оружием непосредственной поддержки пехоты должен стать гладкоствольный миномет, стреляющий невращающимися оперенными снарядами - минами. То есть особенности миномета обеспечивали высокую точность навесной стрельбы, не достижимую из нарезного артиллерийского орудия.

Созданный в 1935-м миномет успешно выдержал полигонные войсковые испытания и на следующий год принят на вооружение Красной армии под наименованием «БМ-36». И все же отношение со стороны руководства Красной армии к этому оружию оставалось неоднозначным: маршалы и генералы продолжали считать миномет «суррогатом». Доработанное под названием «82-мм батальонный миномет образца 1937 года» (БМ-37) оружие конструкции Бориса Шавырина было принято на вооружение в феврале 1939 года лишь после того, как Шавырин побывал в Кремле у Сталина и доложил его боевые характеристики. При небольшой массе система стреляла трехкилограммовыми минами более чем на три тысячи метров, обладая практической скорострельностью до 15 выстрелов в минуту, а без исправления наводки - до 25 выстрелов. Но даже после одобрения вояждя производство минометов разорвалось вяло. Так, когда в Западном округе во время советско-финляндской войны потребовалось обеспечить одну лишь дивизию всеми видами вооружения, минометы для нее собирали со всех частей округа.

Опыт военных действий на Халхин-Голе, и особенно в финской войне 1939 - 1940 годов, показал эффективность минометов, и к началу Великой Отечественной производства минометов шло полным ходом. До 22 июня 1941 года Красная армия получила 13000 минометов калибра 82 мм, в основном образца 1937 года конструкции Шавырина.

Эти минометы были средством огневой поддержки стрелкового батальона. Причем к началу Отечественной они состояли на вооружении минометной роты батальона (6 минометов), но уже в первый период войны минометы объединили в состав минометных батальонных стрелковых полков. С 1942 года минометные роты были возвращены в стрелковые батальоны, что существенно повысило их огневую мощь и самостоятельность в бою.

Создавались и другие типы этого оружия. Любопытно, например, что к этому имел отношение даже известный шахматист Александр Котов: в начале войны выяснилось, что он - инженер на насосном заводе, который стали переводить на производство минометов, - единственный, знающий военную технику (Котов окончил Военно-механический институт), и его назначили руководителем конструкторского бюро. Спроектированный им 120-мм миномет был принят на вооружение. Говорят, министр минометного вооружения Паршин, узнав, что конструктор еще и гротмейстер, представил его в 1944 году к ордену Ленина.

Вначале конструкторский коллектив под руководством Шавырина эвакуировали в Пермь, с 11 апреля 1942 года в подмосковной Коломне на заводе № 4 было создано специальное конструкторское бюро, специализировавшееся на разработке минометов и морских бомбометов.

Модернизированный батальонный миномет с опорной плитой образца 1941 года с качающимся прицелом и предохранителем от двойного заряжания производился и в послевоенный период, причем до сих пор состоит на вооружении Российской армии.

Владимир ПОТРЕСОВ

ФОТО ЮРИЯ СТОКОВА

ПРИЗЕМЛЕНИЕ С ВОЗВЫШЕНИЕМ

Родом он из города Киржача Владимирской губернии. Отец был дорожным мастером на железной дороге Москва - Ярославль, и семья путешествовала на дрезине, живя то на одном, то на другом полустанке. Тогда, еще пацаном, Борис и знать не знал, что когда-то пересядет с дрезины за штурвал боевого самолета, исколесит с походным чемоданом весь Советский Союз - от Украины до самого Дальнего Востока. Начал летать на Як-18, а уже будучи генерал-лейтенантом, сидел за штурвалом

мощного бомбардировщика дальней авиации, обучая искусство пилотирования и боевому мастерству молодых летчиков. В дальнюю авиацию он просто влюблен и может о ней, о боевых друзьях-товарищах рассказывать сколько угодно.

- Чем отличается дальняя авиация? - спрашивает собеседника и отвечает: - На дальнем бомбардировщике экипаж - одна семья, случайных людей там просто быть не может.

Уже в самом начале беседы на языке вертелся вопрос: все же как так получилось, что боевой генерал ушел в социально-бытовую сферу, где больше темного цвета, чем небесно-голубого? Но Борис Васильевич сам упредил этот вопрос, и я не услышал от него высоких слов о гуманизме, любви к ближнему. После ухода с военной службы четыре года отработал директором крупного инженерного училища в Киеве, а после жена знакомого офицера, работавшая в училище начальником отдела кадров, сообщила о том, что есть свободная должность директора пансионата для персональных пенсионеров. Рискнул. Поначалу трудно было - дело-то совсем новое, необычное, но потихонечку втянулся. Помог тот самый летный экипаж, который воспитал чувства локтя, взаимной поддержки, готовности в любую минуту прийти на помощь. Проработал в пансионате три года, а когда в 90-м году от него потребовали сдать экзамены по украинскому языку, поменял киевскую квартиру на московскую. Как только семья обустроилась на новом месте, пошел в департамент, а тогда

Главное управление социальной защиты города Москвы, откуда и направили вот сюда - директором пансионата № 19 для ветеранов войны и труда. По старой армейской привычке бывший генерал называет свою работу службой, которая требует постоянного человеческого внимания к каждому «подчиненному» - ветерану, ответственности за то, как он одет, обустроен и накормлен, в достатке ли обеспечен лекарствами и всем другим, необходимым для поддержания здоровья и духа.

- Смысл нашей земной жизни - каждодневный труд. Независимо на каком участке. Это как аэродром для взлета самолета, - философски рассуждает директор пансионата. - У меня пять внуков, помогаю им чем могу, но главная моя мечта - приучить их к добросовестному труду, чтобы честно и достойно пошли по жизни.

Не забыл ли армию, тоскует ли по ней? Тоскует, да еще как - взлеты и посадки по ночам снятся. А с армией, друзьями по военной службе поддерживает самую тесную связь, будучи заместителем председателя Совета ветеранов дальней авиации. Каждый год летчики-дальневики съезжаются в Москву, где совет снимает для них Дом офицеров, и воспоминаниям конца-края нет.

- Мы переживаем за нашу армию, которая, как и все общество, находится сегодня в трудном положении, - говорит Борис Васильевич, - но радуется, что дальняя авиация сумела выстоять. Сегодня один дальний бомбардировщик по боевой мощи превyšает мощь целого авиаполка времен Великой Отечественной.

Беседу несколько раз прерывают сотрудники пансионата, для которых дверь в кабинет директора открыта всегда, даже при гостях: труба в подвале лопнула - надо срочно менять, в котельной один котел забарахлил...

- Зимой забот выше крыши, - говорит мой собеседник. - Если для обычного жилого дома авария ситуация в морозы - беда, то для нашего дома, где живут бабули и дедули, это была бы трагедия. И мы делаем все, чтобы ее предотвратить.

...Рукожатие у бывшего летчика крепкое, улыбка открытая, хорошая. Желая ему подольше стоять на своем новом боевом посту, потому что он очень нужен ветеранам. Да и всем нам, если вдуматься...

Николай АНДРЕЕВ